

УДК 821.161.1 + 821.0

А. Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова

Предметом рассмотрения является литературная репутация Н. Д. Ахшарумова, обстоятельства, повлиявшие на ее формирование, а также некоторые стратегии, направленные на ее утверждение. Репутация эпитима, приобретенная Ахшарумовым при жизни, часто объясняется неприятием реального направления, однако немаловажную роль в формировании такого восприятия играли собственные житетворческие стратегии, а также поиск альтернативного пути в русской литературе.

Игровой, экспериментальный характер произведений Н. Д. Ахшарумова в повестях «Игрок» и «Натурщица» во многом провоцировал соответствующую реакцию критики. В частности, «сделанность» сюжета и «ходульность» персонажей может быть объяснена авторской интенцией, связанной с утверждением новых оснований в творчестве, предвосхищающих модернистские эксперименты.

В статье анализируются не только произведения писателя, но и иные источники (современные издания, популярные энциклопедии), которые позволяют составить представление о современном статусе Ахшарумова в истории русской литературы.

Ключевые слова: русская литература, литературная репутация, осознанная вторичность.

Литературная репутация представляет собой уравнение со многими неизвестными, каждое слагаемое которого определяется множеством социальных и биографических факторов. Очевидно, что в зависимости от того, как решается это уравнение читателями, критиками и, наконец, исследователями определяется бытие или не-бытие писателя в истории литературы. По замечанию Т. И. Печерской, «в биографическом смысле “прижизненная” литературная репутация неустраима, она не может быть изменена в пользу другой, более справедливой. Еще менее приложимо к ней понятие “объективность”» [Печерская, 2012, с. 538].

Феноменология литературной репутации многообразна, поскольку всегда является результатом совмещения разных временных и идеологических планов, действия различных компромиссов. Так, например, путь Н. С. Лескова к читателю XX в. является красноречивым свидетельством аксиологического утверждения

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; alexey-kozlof@rambler.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 1
© А. Е. Козлов, 2015

произведений писателя в истории вопреки довлеющему статусу представителя массовой литературы. Своеобразной противоположностью является творческое наследие Н. Г. Чернышевского, низведенное сегодня до феномена болезненного самосознания, граничащего с графоманией и литературной близорукостью.

На наш взгляд, в этом контексте значительного внимания заслуживают фигуры а priori отнесенные к эпигонам и подражателям. В ряде случаев (например, в произведениях М. В. Авдеева, В. А. Вонлярлярского, М. М. Стопановского) эпигонство и подражательность являются сознательной авторской установкой и утверждаются в повествовательных отступлениях. Такое свойство кажется уместным называть *осознанной вторичностью* и рассматривать в контексте нарративного приема и литературной игры. Часто при детальном анализе становится очевидно, что статус эпигона, закрепленный, например, в литературной энциклопедии или биографическом словаре, не соответствует действительности и определяется некорректным истолкованием игровой авторской интенции.

Фигура Н. Д. Ахшарумова заслуживает рассмотрения именно в этом аспекте, хотя при анализе его публицистических и художественных произведений возникает ряд проблем иного свойства и качества. Негативная литературная репутация Н. Ахшарумова складывается при его жизни: писателя часто обвиняли в эпигонстве и несамостоятельности, его публицистику называли схоластической, романы – надуманными, героев – ходульными. Как писал о нем А. М. Скабичевский, «журналы с охотою помещали произведения Ахшарумова, так как и до сих пор еще многие читатели любят в романе сказочную занимательность сюжета; но особенного значения романы Ахшарумова никогда не имели, и яркого следа в литературе они не представляют» [Скабичевский, 1904, с. 334]. Более сдержаны в оценке авторы энциклопедического словаря Брокгауз и Ефрон: «В своих романах и повестях А<хшарумов> стремится доставить читателю интересное и занимательное чтение, и потому они отличаются фантастичностью сюжета, живостью рассказа и необычайными положениями героев» [Ахшарумов (Брокгауз), 1989, с. 334]. Небезынтересно и суждение В. Б. Шкловского, назвавшего Н. Д. Ахшарумова петрашевцем¹, «которого Добролюбов считал соперником Достоевского» [Шкловский, 1995, с. 120].

На первый взгляд, Ахшарумов предстает своеобразной тенью Ф. М. Достоевского. Его маниакальное следование по пройденному классиком пути (без катастроф и трагедий) становится очевидным при выборе названий собственных произведений. Среди них – «Двойник», «Игрок», «Концы в воду» – названия, содержащие либо отсылки к произведениям Достоевского, либо прямой повтор. Показательно, что Ахшарумов поступал так без сколько-нибудь значимого расчета, часто обращаясь к наименее известным и наиболее порицаемым современниками произведениям. Такое поведение можно интерпретировать в контексте общего кризиса идентичности; в то же время, воспроизводя названия романов и повестей Достоевского, Ахшарумов никогда не обращался к прямым заимствованиям. Иными словами, все обвинения в литературном плагиате не имеют под собой сколько-нибудь значащих оснований.

Кроме того, обстоятельства данного взаимодействия требуют уточнений и пояснений. «Игрок» Ахшарумова был написан в 1858 г., т. е. за восемь лет до «Игрока» Достоевского. Известно, что Достоевский переименовал свой «Руллеттенбург» под влиянием Ф. Стелловского, который прямо указывал на популярность романа Ахшарумова. Исчерпывающую информацию об этом факте предоставляет энциклопедия «Достоевский. Антология жизни и творчества»: «В романе “Игрок”

---

¹ Петрашевцем был не Н. Д. Ахшарумов, а его брат – известный врач и медик Д. Д. Ахшарумов. Шкловский мог соединить эти фигуры намеренно; могло повлиять и переиздание мемуаров Д. Ахшарумова, озаглавленное «Записки петрашевца».

(«Отечественные записки», 1858, № 11–12) Ахшарумов предвосхитил появление одноименного романа Достоевского и, наоборот, «Игрок» Достоевского повлиял на повесть Ахшарумова «Под колесом» («Нива», 1883, № 4–8)» [Ахшарумов (Достоевский. Антология...)]. Безусловно, говорить о предвосхищении не представляется возможным: два этих произведения представляют диаметрально противоположные сюжеты; совпадение названий объясняется в большей мере факторами издательской прагматики и рекламы.

Тема двойничества, нашедшая актуализацию в западноевропейском и, в частности, русском романтизме (А. Погорельский, В. Одоевский), безусловно, обрела новое измерение в беллетристике Достоевского. Ахшарумов обращается к универсальному мировому сюжету, учитывая опыт гениального предшественника, однако его сюжет в большей мере соответствует этической аллегории, нежели полноценному экзистенциальному эксперименту.

Очевидно, что репутация «тени Достоевского» в большей мере утверждается сегодня, когда многие историко-литературные факты искажаются и трансформируются и складывается иная картина происходящего. Детальное изучение творческого наследия Ахшарумова позволяет предположить, что писатель искал свой альтернативный путь в русской литературе [Пенская, 2000]. Большинство его произведений носит экспериментальный характер, и, учитывая взгляды писателя, можно утверждать, что этот эксперимент осуществлялся им в поле нормативной эстетики.

Своеобразным манифестом Ахшарумова стала его статья «О порабощении искусства» (1858)². В большей мере известна реплика Н. А. Добролюбова – т. е. реакция на эту статью, нежели стимул, эту реплику породивший. Вслед за Добролюбовым статья Ахшарумова обычно трактуется в контексте чистой эстетики, противопоставленной критическому реализму и, в частности, гоголевскому направлению. Однако основная претензия, выдвигаемая Ахшарумовым существующей эстетике, коренится отнюдь не в изображении действительности такой, какая она есть (он и сам придерживается этого позитивистского тезиса), а в надорванности и надломленности писателей-современников. Значительное внимание Ахшарумов уделяет общему лейтмотиву современной литературы – мотивам увядания, старения, одряхления. Он показывает, как начиная с поздних произведений А. С. Пушкина (в частности, «Осени»), повестей Лермонтова, «Миргород» и «Мертвых душ» Н. В. Гоголя происходит постепенное ослабление мотивов жизни и молодости. По мнению Ахшарумова, литература «в эпоху упадка свободного искусства, в эпоху его печального, необходимого порабощения» [Ахшарумов, 1858, с. 326] слишком быстро состарилась, и поэтому обречена на скорейшее забвение. Признавая неизбежной смерть целого литературного поколения, Ахшарумов дает трезвую оценку своим произведениям. «...Придёт, наконец, пора, – пишет он, – когда и мы останемся позади, будем брошены по дороге, как старые дырявые сапоги, и жизнь потечёт своим чередом без нашего участия и человек пойдёт вперёд по-прежнему, но уже не возьмет с собою» [Там же, с. 287].

Словно пытаясь противостоять основному потоку, Ахшарумов пишет ряд произведений, разрушающих реалистическую эстетику и во многом противопоставленных утвержденному нормативному канону. В нравоучительной повести «Двойник» причиной раздвоения главного героя становится отказ от мира фанта-

---

² Следует отметить, что в большинстве источников даны некорректные выходные данные: указывается, что статья «Порабощение искусства» была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1857 г. В действительности, название статьи – «О порабощении искусства», она была напечатана в 119 томе «Отечественных записок» в 1858 г. [Ахшарумов, 1858, с. 287–327].

зии и творчества. Во второй главе произведения Алексей Петрович задается вопросом: «Ну а что, если поэзию и действительность соединить невозможно? Если два этих элемента, как огонь и вода, не могут сойтись без боя и разрушают друг друга при малейшем прикосновении?..» [Ахшарумов, 1895, с. 49]. Двойник, олицетворяющий творческое начало, всё больше отходит от своего собеседника; ему не находится места в «положительной жизни» героя. В сущности, подобная аллегория со времен «Евгения Онегина» становится общим местом русской литературы [Манн, 1987], чего нельзя сказать об экспериментальных сюжетах беллетриста.

Большинство повестей и романов Ахшарумова демонстрирует проницаемость границы между миром эмпирических возможностей, миром игры и творчества. В уже упомянутом романе «Игрок» переосмысляются мотивы «Пиковой дамы»: главный герой Гейнрих, отвергая возлюбленную Луизу, отдает себя во власть черной шахматной королеве. Здесь Ахшарумов фактически конструирует новую семиотику игры – не карточной (связанной с азартом и случайностью), а шахматной, строго регламентированной различными правилами и законами. Оказавшись в шахматном мире, Гейнрих знакомится с существующим кодексом: «Истинный любитель шахматной игры, садясь за шахматную доску, должен забыть все мелкие интересы, всю пёструю обстановку личной жизни и, создав себе чисто отвлеченный, чисто разумный мир деятельности, независимый от внешнего случая, в нём искать единственного высокого наслаждения. <...> Всякое подчинение этой игры каким бы то ни было побочным самолюбивым мстительным или корыстолюбивым видам есть рабство, унижительное для её высокого смысла и гибельное для её чистого постепенного развития...» [Ахшарумов, 1858, с. 513]. В романе утверждается ценность поэтической живой шахматной игры, противопоставленной догматизму и прагматизму современного человека. Слова черной королевы о деградации шахматного мира находят отчетливую рифму с рассуждениями Ахшарумова об упадке современного реалистического искусства: «Поэзия нашей игры сохнет и вянет с часа на час под гнётом педантских теорий. То, что еще не очень давно было делом творческого вдохновения, теперь становится вялым книжным искусством» [Там же, с. 45]. Логично предположить, что шахматная игра имеет дискурсивный смысл и представляет метафору творчества.

Продолжение этого эксперимента можно найти в повести «Натурщица» – одном из немногих текстов Ахшарумова, переизданных в конце XX в.³ Говоря об этом произведении, В. Шкловский писал: «...в этом романе выдуманная женщина судом протестует против судьбы, которую ей приписал автор» [Шкловский, 1995, с. 250]. Такая характеристика довольно точно передает основную концепцию произведения: фильтрующая мембрана шахматного мира убрана, а граница между фикциональным и реальным миром стирается в ходе повествования. Правоммерно утверждать, что именно здесь Ахшарумов доводит до абсурда основной принцип реалистической эстетики.

Тривиальный жизненный путь героини, представленный в ее дневнике, осложняется за счет актуализации «мифологической модели». Натурщица Алищева пишет: «Федор Данилыч! Федор Данилыч! Вы владеете мною, как никогда султан не владел своею невольницею. Я вся, с детьми и со всем, что меня окружает, принадлежу вам с головы до конца ногтей! Одним росчерком вашего пера вы можете меня вычеркнуть из числа существующих, одним почерком сделать несчастнейшею из женщин» [Ахшарумов, 1866, с. 108]. На протяжении повести Ахшарумов развивает мотив этической ответственности автора перед своими героями. Суще-

---

³ Сам факт того, что фантастическая повесть Ахшарумова вышла в сериях «Старый уголовный роман» и «Старый русский детектив» является красноречивым свидетельством его сегодняшней репутации.

ствуя на ином содержательном уровне, персонажи не могут опротестовать решение автора, безоговорочно покоряясь им и реализуя их в своей жизни.

Тем не менее Ахшарумов демонстрирует попытку такого нарушения и «бунта» героя: Алищева инспирирует судебный процесс, направленный против Фёдора Чуйкина – автора, нажившего значительное состояние на издании книг о ее жизни. Судебный процесс начинается со слов, утверждающих фактичность героя в противовес условности художественного мира: «Я думаю, всякий из вас согласится, что не будь госпожи Алищевой здесь перед вами и, стало быть, вне романа, не существуй она независимо от фантазии автора, написавшего этот роман, не было бы и иска, потому что вымышленное лицо не может действовать иначе, как в границах вымысла, которые явно не могут вместить протеста против самих себя» [Ахшарумов, 1866, с. 200]. В этом контексте решение суда выглядит как интеллектуальная провокация: «В наказание за все это суд постановил: изгнать вас из мира действительной жизни и поселить навсегда в области отвлеченного мышления» [Там же, с. 212].

Однако в эстетической системе повести автор Чуйкин становится абсолютom, богом, определяющим бытие и не-бытие героя. В ответ на обвинения и приговор Чуйкин, пуская клубы дыма, говорит: «Замысловатый ваш приговор имеет один грешок. Желательно знать: на каком основании вы, председатель суда, вовсе несуществующего в действительности и составляющего у нас какую-то юридическую мистерию, присваиваете себе власть судить представителей нашей литературы... Вы угрожаете выгнать меня из сферы действительной жизни? Ха! Ха! Ха! Влезьте-ка сами в нее сперва, в эту сферу, а потом уже выгоняйте оттуда других!» [Там же, с. 112]. Возможно, таким образом Ахшарумов утверждал своего рода имманентную ценность художественного творчества, как бы страхуя себя на случай исключения из истории литературы.

Вышерассмотренные произведения свидетельствуют не только о нестандартных художественных решениях Ахшарумова, но и о напряженной саморефлексии. Очевидно, что центральной коллизией, занимающей Ахшарумова большую часть жизни, стала проблема ответственности автора перед своим героем, феномены литературной жизни и смерти. Многие произведения Ахшарумова определенным образом не укладываются в парадигму классической литературы XIX в., его постромантические эксперименты, уничтожающие привычные границы и связи, могли найти отклик в более позднюю эпоху модернизма. Чувствуя охлаждение читательской аудитории, Ахшарумов совершил тактическую ошибку: начал писать детективы и уголовные романы (в которых можно рассмотреть «осколки» былых эстетических оснований), рассчитанные на массовый читательский вкус («Концы в воду», «Под колесом» и пр.). В последующем этот факт стал определяющим для репутации Н. Д. Ахшарумова.

И все же, возвращаясь к публицистике писателя, нельзя не отметить факт констатации, утверждения неизбежности литературной гибели. Еще в конце 50-х гг. Ахшарумов с полной уверенностью говорит о том, что его произведения не останутся в большой истории литературы. Показательно, что И. С. Тургенев, представив предсмертный бред Базарова, фактически повторил слова Ахшарумова: «Кто нужен для общества? Солдат нужен, чтобы нас не убили и не ограбили, хлебопашец нужен, чтобы не умереть с голода, ремесленник и фабрикант нужны, чтобы не замёрзнуть нам без платья и не ободрать себе ноги о жёсткий щебень дорог, учёные... но что касается поэтов, драматиков и романистов, то это уже неоспоримо-лишние люди, это всё васильки, случайно вырастающие на ниве между колосьями ржи» [Ахшарумов, 1858, с. 300]. Конечно, Ахшарумов полагал обреченной всю реалистическую словесность, однако, вопреки его ожиданиям, эта словесность утвердилась в сознании последующих поколений, чего нельзя сказать

об экспериментах Ахшарумова, оказавшихся в глобальной временной перспективе нежизнеспособными.

Тем не менее интерес к произведениям Ахшарумова сегодня растет. К его наследию обращаются исследователи творчества Ф. Достоевского, В. Набокова, Г. Гессе. Не меняется только его статус – результат решения уравнения со многими неизвестными. Не меняется, возможно, из-за аксиоматической уверенности в подражательности и несамостоятельности его произведений, возможно, в силу неверно выбранной автором жизнетворческой стратегии.

Прогнозируя будущее Ахшарумова в истории литературы, логично предположить, что для большинства читателей его наследие и биография не будут представлять никакого интереса, существуя исключительно в поле зрения литературоведов и исследователей, задача которых традиционно связана с реконструкцией фактов, а не конструированием новых.

Список литературы

Ахшарумов Н. Д. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. № 6.

Ахшарумов Н. Д. Игрок // Отечественные записки. 1858. № 11–12.

Ахшарумов Н. Д. Двойник // Ежемесячное приложение к журналу «Север» за январь. 1895. СПб.: Издание М. К. Ремнёвой, 1895.

Ахшарумов Н. Д. Натурица // Отечественные записки. 1866. № 7.

Ахшарумов, Николай Дмитриевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энцикл. слов. М.: Терра, 1989. Т. 30.

Ахшарумов, Николай Дмитриевич // Достоевский. Антология жизни и творчества. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Ahsharumov_N_D

Мани Ю. В. Диалектика художественного образа. М.: Сов. писатель, 1987.

Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М.: Carte Blanche, 2000.

Печерская Т. И. Свидетельство современников как источник литературной репутации // Памяти А. И. Журавлевой. М.: Три квадрата, 2012.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. СПб., 1904.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. СПб., 1995.

A. E. Kozlov

On Nikolai Akhsharumov's Literary Reputation

The paper investigates the creative reputation of Nikolai Akhsharumov, the circumstances that have influenced its formation as well as some strategies aimed at affirming it. The reputation of an imitator acquired by Akhsharumov when he was still living is frequently accounted for by the rejection of the real literary school, but of far from small importance was the role played in the formation of this reputation by his own life-creating strategies, as well as his search for an alternative way in Russian literature.

The live-action, experimental character of N. D. Akhsharumov's works (in «The Player» and «The Model») has in many respects provoked and anticipated an appropriate response of Russian critical papers. In particular, the abnormal, anomalous, artificial type of the characters in his stories can be attributed to the author's intention, coupled with the adoption of new grounds in his work anticipating the modernist experiments.

The paper analyzes not only N. D. Akhsharumov's works, but also popular sources (modern editions and popular encyclopedias) which make it possible to get an idea about the modern status of this writer in the history of Russian literature.

Keywords: Russian literature, status of the writer, conscious unoriginality.